ЧЕРВЯКОВ НАСТ. ПОЛИТ. РОССИИ

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
Ш 2
Ш 2 19

Russlands jetzige Lage.

НАСТОЯЩЕЕ ПОЛОЖЕНІЕ РОССІИ.

ЦД2
Щ219

Г. Д. Щербачева.

BERLIN.
B. BEHR'S VERLAG (E. BOCK).
1882.

G. D. Stscherbatschew.

НАСТОЯЩЕЕ ПОЛОЖЕНІЕ

РОССІИ.

Ц52
Щ219

НАСТОЯЩЕЕ ПОЛОЖЕНІЕ РОССІИ.

Г. Д. Щербачева.

BERLIN.
B. BEHR'S VERLAG (E. BOCK).
1882.

К.

ЦД 2
Щ 219

Библиотека
Института Ленина
при ЦК. Р.К.П. (б.)
2/9+ 4-2871
2/6

2012
83

Авторъ этой записки прослужилъ около 35 лѣтъ Царю и отечеству, и службу свою запечатлѣлъ кровію на Севастопольскихъ бастіонахъ. Находясь, въ настоящее время, у преддверія гроба и не требуя ничего отъ земной жизни, онъ, во имя любви къ дорогой родинѣ и къ ея Верховному вождю, рѣшился сказать слово правды, чтобы тѣмъ исполнить, можетъ быть, въ послѣдній разъ долгъ русскаго гражданина.

Ко всему изложенному въ запискѣ, можно сдѣлать слѣдующее добавленіе. Репрессивныя мѣры, къ которымъ Правительство прибѣгало въ прошлое царствованіе, возбуждали неудовольствіе въ средѣ образованныхъ русскихъ людей, но находились въ обществѣ и такія лица, которымъ онѣ нравились. Въ настоящее же время, Правительство избрало такой путь, который никого не удовлетворяетъ. Наши охранители находятъ его стѣснительнымъ для

администраціи, а наши либералы оскорблены недовѣріемъ, которое Правительство оказываетъ обществу. Если къ числу всѣхъ недовольныхъ прибавить тысячи чиновниковъ, оставшихся и остающихся за штатомъ, то окажется, что вся Россія, въ настоящее время, не только не довольна, но и вынуждена жить однимъ лишь настоящимъ, боясь заглянуть въ будущее. Ненормальность такого положенія, останавливая частную дѣятельность и предпріимчивость, неминуемо должна отразиться на экономической жизни народа. Недовѣріе, оказываемое Правительствомъ обществу, внушаетъ обществу недовѣріе къ Правительству и такимъ образомъ почва для революціонной агитаціи улучшается усиліями самаго Правительства. Всѣ очень хорошо понимаютъ, что гнётъ полиціи можетъ только сдавить зло, но не уничтожить его; всякое же чрезмѣрное давленіе должно окончиться взрывомъ. Чтобы избѣгнуть этого взрыва, для Правительства нѣтъ другаго пути, какъ тотъ, который намѣченъ въ запискѣ.

Г. Щербачевъ.

Настоящее положеніе Россіи.

Россія находится въ настоящее время въ болѣе опасномъ положеніи, чѣмъ многіе думаютъ. Опасность грозитъ ей не отъ соціалистовъ, которымъ русскій народъ не только не сочувствуетъ, но въ которыхъ онъ видитъ своихъ враговъ; опасность является отъ той безурядицы, которая существуетъ во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія, отъ того хаоса, который царитъ во всѣхъ государственныхъ учрежденіяхъ и отъ той деморализаціи, которая проникла во всѣ слои общества. Покойный Государь, въ одномъ изъ своихъ манифестовъ къ народу объявилъ, что никто безъ суда не можетъ быть наказанъ, между тѣмъ лица, даже оправданныя судомъ, подвергаются тягчайшимъ административнымъ взысканіямъ. Государь въ разныхъ актахъ, исходящихъ отъ Престола, неоднократно выражалъ самую искреннюю заботливость о бла-

госостояніи низшихъ классовъ общества, между тѣмъ эти классы общества разоряются агентами Правительства и созданными ими кулаками. Государь не разъ обращался къ обществу съ просьбой помочь ему въ подавленіи крамолы, между тѣмъ министры его заподозриваютъ это самое общество въ сочувствіи крамольникамъ и не только устраняютъ общественный элементъ отъ участія въ дѣятельности Правительства, но и относятъ въ разрядъ неблагонадежныхъ тѣхъ лицъ, которыя бы хотѣли, правдивымъ словомъ, исполнить волю Государя. Наконецъ, Государь, по иниціативѣ высшихъ законодательныхъ учрежденій, издалъ не мало законовъ, служащихъ къ пользѣ Государства, но эти законы не только не исполняются, но подчасъ замѣняются разными министрами циркулярами, прямо противоположнаго имъ смысла. Такое печальное положеніе дѣлъ составляло вполнѣ нормальное явленіе при крѣпостномъ правѣ, когда безправіе было законной формою отношеній дворянства къ 20ти милліонному крестьянскому населенію. Въ то время, большинство чиновниковъ выходили изъ дворянъ. Не будучи ограничены закономъ въ своихъ правахъ надъ крѣ-

постными, они не тяготились произволомъ лицъ, ими начальствующихъ. Эти послѣдніе, въ свою очередь, развивая деспотическую власть надъ своими подчиненными, задавались единственной цѣлью угожденія дворцовымъ властямъ. Такимъ образомъ, хотя вся тогдашняя система была основана на личной угодливости, но тяжесть ея не чувствовалась, безнравственность не сознавалась, такъ какъ начало ея лежало въ крѣпостномъ правѣ. Если и могъ явиться, въ то время, протестъ, то только отъ крѣпостнаго сословія, но оно, по своему невѣжеству, не понимало той громадной физической силы, которою обладало, и продолжало безмолвно играть роль рабочаго скота, хотя болѣе сильнаго, чѣмъ человѣкъ, но вполнѣ подчиненнаго его волѣ. Между тѣмъ, время шло, сознаніе силы стало проникать въ массы; Блаженной памяти Императоръ Александръ II понялъ это и въ своихъ достославныхъ словахъ, обращенныхъ къ Московскому дворянству, выразилъ непреклонное желаніе уничтожить крѣпостное право. Освобожденіе крестьянъ, сказалъ онъ, должно быть сдѣлано сверху, иначе оно начнется снизу. Наконецъ насталъ день 19 февраля, покрывшій неувядаемой сла-

вой Царя-Освободителя; рабство пало, 20^ти милліонное крестьянское населеніе получило свободу и связанныя съ нею гражданскія права. Права даны были закономъ, слѣдовательно законъ долженъ былъ, съ того времени, замѣнить произволъ. Дворянство поняло это и подчинилось новому порядку вещей, но въ администраціи не было сдѣлано никакой реформы; дѣятельность ея не измѣнилась; она, по прежнему, продолжала смотрѣть на законъ, какъ на мертвую букву. Московское и Тверское дворянства сдѣлали попытки къ ограниченію ея произвола; ими были поданы адресы Государю, въ которыхъ они указали на необходимость введенія судебной и земской реформъ, на разширеніе свободы печати и на созывъ представителей всей Россіи. Хотя авторы этихъ адресовъ понесли кару, но прошло нѣсколько лѣтъ и нѣкоторыя изъ указанныхъ реформъ осуществились. Земскія учрежденія, Судъ присяжныхъ и безцензурная печать вплели новый вѣнокъ въ славу Царя-Реформатора и оживили дѣятельность всѣхъ общественныхъ силъ Россіи, но удовлетворивъ ожиданія мыслящихъ людей, эти реформы возбудили страшную къ нимъ оппозицію въ адми-

нистраціи, которая, съ введеніемъ ихъ, теряла значительную долю своего значенія и своей власти. Не желая разстаться съ крѣпостнымъ правомъ, въ которомъ она держала общество, администрація возбудила за него борьбу у Престола. Какъ при освобожденіи крестьянъ, окружавшіе Царя крѣпостники пугали его призракомъ революціи, такъ и при дарованіи либеральныхъ реформъ, высокопоставленные администраторы употребили всевозможныя усилія, чтобы подорвать довѣріе Государя къ общественнымъ силамъ Россіи. Если бы Государь выказалъ такую же твердость воли при освобожденіи общества отъ крѣпостнаго права, съ какою онъ освободилъ крестьянъ, то, нѣтъ сомнѣнія, для насъ не настало бы того смутнаго времени, которое мы теперь переживаемъ, но, къ сожалѣнію, Каракозовское покушеніе и польское возстаніе дали, въ то время, сильное оружіе для борьбы съ обществомъ; Государь склонился на сторону его противниковъ и реакціонное движеніе Правительства началось. Согласить гласный Судъ, свободную печать и общественныя выборныя учрежденія съ произвольными и деспотическими дѣйствіями администраціи, было конечно невозможно. По-

нимая это, администраціи необходимо было ограничить тѣ права, которыя даны были обществу различными реформами, нужно было избавиться отъ общественнаго контроля, который бы могъ изобличать администраторовъ въ злоупотребленіяхъ, наконецъ нужно было уединить Государя отъ его подданныхъ. Рѣшеніемъ этой задачи, администрація занимается уже 15 лѣтъ. Сначала, она стѣснила свободу печати, чтобы темныя дѣла не выплывали наружу, затѣмъ она исказала смыслъ тѣхъ законоположеній, которыя давали нѣкоторое право контроля надъ расходованіемъ общественныхъ суммъ и испросила Высочайшія повѣленія на измѣненіе тѣхъ статей закона, которыя ей не нравились; наконецъ, чтобъ имѣть возможность обходить законъ, она изобрѣла административныя кары за неблагонадежность и такимъ образомъ устранила отъ себя малѣйшую опасность быть, когда либо и кѣмъ либо, изобличенной въ своихъ недобросовѣстныхъ дѣйствіяхъ. Результатомъ такой системы явился полный чиновничій произволъ во всѣхъ отправленіяхъ государственной жизни, но чиновничій произволъ, также какъ бывшій помѣщичій, не могъ не отразиться на упадкѣ нравствен-

ности во всѣхъ слояхъ общества. Для всѣхъ стало понятно, что только личною угодливостью, а не честностью и правдой, можно получить разныя земныя блага и всѣ, отъ министровъ до становыхъ приставовъ, отъ предводителей дворянства до волостныхъ старшинъ, всѣ пошли по дорогѣ лжи и обмана; для честныхъ же людей остался только одинъ путь — въ болѣе или менѣе отдаленныя мѣста Россіи, или полное уединеніе отъ всѣхъ дѣлъ. Какъ грабили казну Министры и ихъ ближайшіе помощники всѣмъ извѣстно изъ дѣлъ Министерствъ морскаго и Государственныхъ имуществъ; какъ наживались незаконными путями губернаторы, присвоивая себѣ даже деньги, которыя были пожертвованы съ благотворительною цѣлью, можетъ намъ дать много указаній Министерство внутреннихъ дѣлъ; наконецъ, какъ брали взятки и эксплуатировали бѣдный людъ, чиновники разныхъ ранговъ и министерствъ и кулаки всѣхъ сословій, мы видѣли и видимъ тому примѣры на каждомъ шагу: тамъ, исправникъ продаетъ за недоимку послѣднее крестьянское имущество, чтобы выслужиться передъ губернаторомъ; здѣсь адвокатъ, помѣщикъ, купецъ, священникъ, міро-

ѣдъ, пользуясь безвыходнымъ положеніемъ бѣднаго люда, обираютъ его и доводятъ до нищеты; тутъ, банковые дѣльцы и хранители разныхъ денежныхъ кассъ опустошаютъ карманы лицъ, ввѣрившихъ имъ свои послѣдніе гроши. Что всѣ эти явленія не случайныя, а представляютъ общую картину настоящаго положенія Россіи, можно видѣть изъ того, что громадное большинство лицъ, пользующихся почетомъ, принадлежатъ къ категоріи дѣятелей, которые, или много награбили, или умѣли подслужиться лицамъ, власть имѣющимъ. Понятно, что при такой системѣ, каждому служащему нужно имѣть много нравственной силы, чтобы не свернуть съ пути чести, на которомъ можно умереть съ голоду и не пойти по дорогѣ лжи и обмана, которая ведетъ ко всѣмъ удобствамъ жизни. Но какъ правителей и эксплуататоровъ можно считать только сотнями, или тысячами, а управляемыхъ и эксплуатируемыхъ — десяткими милліоновъ, то изъ этой послѣдней среды стали выдѣляться наиболѣе энергичныя личности, которыя, возмущаясь безчестными и несправедливыми дѣйствіями богатыхъ и сильныхъ, и увлеченныя поверхностнымъ знакомствомъ съ соціальнымъ

ученіемъ, рѣшились жертвовать собой для спасенія отъ страданій обездоленныхъ и слабыхъ. Образовавшаяся, такимъ образомъ, почва для соціальнаго зла, создала у насъ, въ началѣ, небольшой кружокъ революціонныхъ агитаторовъ, дѣятельность которыхъ было бы весьма легко уничтожить мѣрами предупредительными, мѣрами нравственными, но администрація вздумала лѣчить соціальную болѣзнь лѣкарствами, похожими на тѣ, которыя врачь-невѣжда даетъ своему паціенту, не зная, ни его организма, ни причинъ, вызвавшихъ болѣзнь; онѣ похожи также на тѣ воспитательные пріемы, которые безграматный отецъ употребляетъ для исправленія своего сына; онъ его сѣчетъ за каждый проступокъ, не обращая никакого вниманія на его характеръ, возрастъ, темпераментъ, наклонности и кончаетъ тѣмъ, что дѣлаетъ изъ мальчика неисправимаго негодяя. Такія средства, конечно, не только не могли уничтожить соціальнаго зла, но развили его до размѣровъ преступленія 1го марта. Если мы прослѣдимъ всѣ бывшіе у насъ политическіе процесы и всѣ мѣры, къ которымъ Правительство прибѣгало для уничтоженія революціоннаго движенія, то мы вполнѣ

убѣдимся, что единственной виновницей развитія зла была наша администрація.

Первый крупный политическій процессъ, въ которомъ на скамьѣ подсудимыхъ было 193 лица, указалъ намъ, что главный контингентъ пропагандистовъ соціальнаго ученія составляютъ молодые люди, неокончившіе курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго просвѣщенія. Изъ 193 подсудимыхъ около трети были оправданы судомъ, что вполнѣ доказало ту преступную поспѣшность, съ которой полицейскія власти, безъ надлежащихъ уликъ, производили аресты, но если взять во вниманіе, что для преданія суду 193 лицъ, арестовано было въ Россіи болѣе двухъ тысячь человѣкъ и что дознаніе надъ всѣми арестованными производилось около двухъ лѣтъ, въ теченіи которыхъ они были подвергнуты одиночному заключенію; если взять во вниманіе, что даже оправданныхъ судомъ администрація подвергла ссылкѣ, то станетъ ясно, отчего, послѣ этого процесса, стало такъ быстро увеличиваться число революціонеровъ. Всѣ невинные, какъ отпущенные на свободу администраціей, такъ и сосланные ею, но оправданные судомъ, испытавъ въ заключеніи

самыя ужасныя нравственныя страданія, составили наилучшій контингентъ, изъ котораго революціонеры начали черпать свои силы. Отсюда вышла фанатичка Вѣра Засуличъ, рѣшившаяся пожертвовать собой для защиты угнетенныхъ, отсюда вышли и трое изъ цареубіицъ, не побоявшихся ожидающей ихъ висѣлицы. Послѣ процесса 193 и послѣ оправданія Вѣры Засуличъ судомъ присяжныхъ, администрація, во всеоружіи власти, рѣшилась увеличить строгость судебныхъ приговоровъ, передавъ политическіе процессы въ военные суды и предоставивъ какъ явной, такъ и тайной полиціи подвергать аресту всѣхъ лицъ, которыя ей покажутся подозрительными, причемъ мѣриломъ усердія полиціи признано было число произведенныхъ арестовъ, хотя бы и неправильныхъ. Назначенъ былъ даже особый прокуроръ по политическимъ дѣламъ, который, получая огромныя деньги, разъѣзжалъ по всей Россіи и наполнялъ остроги арестованными молодыми людьми; за усердіе онъ получилъ даже нѣсколько наградъ. Въ тоже самое время Министръ Народнаго Просвѣщенія Графъ Толстой, заподозрѣвъ всѣ учебныя заведенія и всѣ общественныя учрежденія, за-

Институтъ Ленина при Ц.К. Р.К.П. (б.)
4-2871

вѣдывающія какими либо школами, въ нигилизмѣ, открылъ противъ нихъ воинственный походъ, не съ какимъ либо нравственнымъ оружіемъ въ рукахъ, а съ палкой, щедро наносившей удары всѣмъ честнымъ стремленіямъ молодежи. Онъ рѣшился педагогическій персоналъ обратить въ чиновниковъ, а изъ юношей-учениковъ сдѣлать автоматовъ и іезуитовъ. Въ первомъ онъ вполнѣ успѣлъ; учителя явились чиновниками со всѣми атрибутами этой корпораціи, съ низкопоклонствомъ, съ взяточничествомъ и съ дикими порывами произвола; во второмъ онъ успѣлъ на половину, такъ какъ благородныя стремленія, свойственныя молодости, представили ему довольно сильную оппозицію, къ уничтоженію которой онъ принялъ самыя рѣшительныя мѣры — поголовное изгнаніе всѣхъ оппозиторовъ изъ ввѣренныхъ ему учебныхъ заведеній. Но увы! Ни мѣры, принятыя Графомъ Толстымъ, ни терроръ, возбужденный дѣятельностью полиціи, ни даже висѣлицы, поставленныя въ разныхъ городахъ Россіи, не только не остановили революціоннаго движенія, но довели Россію до того, что въ настоящее время нѣтъ уголка въ ней, гдѣ бы не было лицъ,

или участвующихъ въ революціонной пропагандѣ, или ей сочувствующихъ. Другихъ послѣдствій и не могло быть. Знаніе человѣческой природы, здравый смыслъ и исторія говорятъ, что нравственное зло можетъ быть уничтожено только нравственными мѣрами, а не полицейскими, что отсѣкать сучья отъ вреднаго растенія, не исправляя почвы, на которой оно ростетъ, значитъ увеличивать ростъ этого растенія, что устрашеніе не только безсильно остановить дѣятельность людей энергическихъ, людей, хотя заблуждающихся, но искренне преданныхъ своей идеѣ, но, напротивъ, возбуждая въ нихъ озлобленіе, жажду мести, увеличиваетъ ихъ фанатическое настроеніе до полной готовности жертвовать своею жизнію, что страданія, которыя переносятъ эти фанатики, не во имя какихъ либо эгоистическихъ интересовъ, а во имя идеи, внушаютъ большинству людей развитыхъ сожалѣніе, состраданіе къ нимъ, которыя, въ свою очередь, служатъ къ бо́льшему развитію въ нихъ фанатизма. Если здравый смыслъ и знаніе человѣческой натуры не составляютъ требуемыхъ качествъ нашихъ администраторовъ, то, во всякомъ случаѣ, они не могутъ игнориро-

вать, по степени своего образованія, нѣкоторыхъ историческихъ періодовъ, которые могли бы послужить имъ указаніемъ, что репресивныя мѣры и въ особенности тѣ, которыя ложатся всею свой тяжестью на мирныхъ гражданъ, не только не останавливали нигдѣ революціонныхъ движеній, но напротивъ, возбуждали страшные взрывы народныхъ страстей. Такъ, французская революція 1789 года подготовлена была исключительно вѣковымъ угнетеніемъ народа. Революціонныя движенія въ Парижѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ, Пештѣ въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятыхъ годовъ, были направлены противъ деспотизма Правительства и никакія казни не могли остановить народы въ ихъ стремленіи снять съ себя иго произвола и насилій. Наконецъ возстанія Славянъ въ Турціи, не смотря ни на какія истязанія, которымъ турецкое правительство подвергало бунтовщиковъ, возобновлялись періодически и дали, наконецъ, народу свободу и независимость. Многіе думаютъ, что общая революція въ Россіи невозможна, такъ какъ русскій народъ глубоко преданъ своему Царю. Дѣйствительно, русскій народъ, въ настоящее время, преданъ Царю, но преданность эта безсозна-

тельная, такъ сказать инстинктивная. Онъ былъ также преданъ Борису Годинову, закрѣпостившему крестьянъ, какъ былъ преданъ Александру II, освободившему ихъ; онъ одинаково жертвовалъ своею жизнію за избранника своего, перваго Царя изъ дома Романовыхъ, Михаила Ѳедоровича, какъ шелъ на смерть за Петра Великаго, угнетавшаго и разорявшаго его во имя цивилизаціи. Подобная преданность можетъ быть только въ народахъ невѣжественныхъ, умственно неразвитыхъ. Мы знаемъ изъ исторіи, что по уничтоженіи феодальнаго права, всѣ народы западной Европы долго находились подъ престижемъ Королевской власти и смотрѣли на своихъ Королей, какъ на лицъ высшей расы, предназначенной ими повелѣвать, но по мѣрѣ того, какъ цивилизація стала проникать въ темныя массы и лучь образованія коснулся низшихъ слоевъ общества, инстинкты народовъ уступили мѣсто разумнымъ стремленіямъ, явилась потребность анализа дѣйствій Правительства и преданность подданныхъ къ своимъ Королямъ стала въ полную зависимость отъ дѣйствій этихъ королей на пользу или во вредъ народовъ. Россія находится въ настоящее время въ переход-

номъ состояніи; образованіе уже значительно проникло въ народныя массы, предразсудки начинаютъ отживать свой вѣкъ и нѣтъ сомнѣнія, что въ скоромъ времени народъ русскій будетъ въ состояніи сознательно относиться къ своему положенію и понимать гдѣ источникъ добра и гдѣ источникъ зла. Мы видимъ, что и въ настоящее время, изъ народа стали выдѣляться люди развитые, люди, стремящіеся разширить свой умственный кругозоръ, и что́ представляется весьма знаменательнымъ фактомъ, это то, что въ первыхъ политическихъ процессахъ, крестьянъ, сидѣвшихъ на скамьѣ подсудимыхъ, былъ самый ничтожный процентъ; въ послѣднемъ же процессѣ по преступленію 1го Марта, изъ шести подсудимыхъ, трое были крестьяне и одинъ изъ нихъ (Желябовъ) былъ главнымъ руководителемъ дѣла. И такъ, вполнѣ расчитывать на преданность народа къ Царю и восхищаться восторженными криками, раздающимися при появленіи Царя, было бы, по меньшей мѣрѣ, неблагоразумно, какъ потому, что ореолъ власти, скрывавшій личность Царя отъ народа, началъ уже разсѣеваться, такъ и потому, что народъ, встрѣчая восторженно Царя, встрѣчалъ также вос-

торженно и Персидскаго Шаха, при въѣздѣ его въ Москву. На эти восторженные возгласы можно также полагаться, какъ и на патріотическіе адресы, подносимые Царю разными земствами и городами. Адресы являются не послѣдствіемъ преданности Царю, а послѣдствіемъ той деморализаціи, которую административный произволъ успѣлъ уже внести въ наши общественныя учрежденія. Стоитъ только одному члену Собранія, изъ какихъ либо эгоистическихъ побужденій, предложить поднести Царю адресъ, или сдѣлать какое либо пожертвованіе, угодное администраціи, и въ этомъ Собраніи не найдется ни одного голоса противъ сдѣланнаго предложенія, хотя бы оно не нравилось многимъ. Обвинять, по этому поводу, общественныхъ дѣятелей въ лакейскомъ чувствѣ было бы не совсѣмъ справедливо, такъ какъ много бывшихъ, въ недавнее время, примѣровъ доказали намъ, что говорить непріятную для администраціи правду составляетъ, въ ея глазахъ, такое же преступленіе, какъ быть соціалистомъ-революціонеромъ, а потому нельзя строго судить тѣхъ лицъ, которыя не имѣютъ достаточно гражданскаго мужества, чтобы рѣшиться сказать

это слово правды и тѣмъ подвергнуть себя и свои семейства гибельнымъ послѣдствіямъ.

Чтобы еще болѣе убѣдиться въ содѣйствіи, оказанномъ администраціей къ развитію у насъ революціоннаго движенія, мы должны стать на точку зрѣнія революціонеровъ и посмотрѣть что́ они могли желать для успѣха своей дѣятельности? Они могли желать: 1) уяснить народу страданія, которыя онъ переноситъ отъ правительственнаго деспотизма и отуманить его обѣщаніемъ блестящей будущности, которая его ожидаетъ, если онъ проникнется соціалистическими идеями. Администрація вполнѣ содѣйствовала къ исполненію этого желанія революціонеровъ. Разширивъ власть полиціи и сдѣлавъ оцѣнкой ея усердія число найденныхъ ею неблагонадежныхъ лицъ и количество собранныхъ съ крестьянъ налоговъ, она вынудила ее прибѣгать ко всевозможнымъ незаконнымъ средствамъ для розоренія народа и возбужденія ненависти къ себѣ въ болѣе развитыхъ классахъ населенія. Для того же, чтобы народъ, по неразвитости своей, могъ увѣровать въ проповѣдываемыя ему соціалистическія бредни, она лишила печать права обсуживать соціальные вопросы и наложила

запретъ на всякое свободное слово, хотя бы оно имѣло въ виду вразумлять народъ. — 2) Революціонеры, желая увеличить число своихъ сообщниковъ, употребляли всѣ свое стараніе чтобы возбуждать неудовольствіе во всѣхъ слояхъ общества, въ особенности они старались привлечь на свою сторону молодежь. Администрація и въ этомъ случаѣ оказала имъ содѣйствіе. Установивъ самыя стѣснительныя паспортныя правила, назначивъ контрибуцію съ домовладѣльцевъ, въ видѣ содержанія дворниковъ-сторожей и платежа огромныхъ штрафовъ, заподозрѣвъ всѣхъ честныхъ общественныхъ дѣятелей въ нигилизмѣ и изгоняя массы молодыхъ людей изъ учебныхъ заведеній подъ открытое небо, она сдѣлала всѣхъ недовольными, а молодежи оставила только одну дорогу — въ объятія революціонеровъ. — 3) Для совершенія всѣхъ задуманныхъ преступленій, революціонерамъ нужны были люди энергичные, люди фанатики, пропитанные злобой противъ Правительства. Администрація и въ этомъ случаѣ не отказалась оказать услугу революціонерамъ. Выдумавъ административную ссылку и ссылая безъ разбора всѣхъ лицъ, почему либо непонравившихся администраторамъ, Пра-

вительство повергло въ горе и отчаяніе не мало вполнѣ уважаемыхъ семействъ. Изъ сосланныхъ же, наиболѣе слабые духомъ и подчасъ вовсе не сочувствовавшіе соціалистическимъ идеямъ, страдали безропотно, а нѣкоторые кончали жизнь самоубійствомъ, но наиболѣе энергическіе люди, преданные дѣлу революціи, обманувъ бдительность своей стражи, уходили и являлись къ услугамъ революціонныхъ руководителей. Пройдя сквозь огонь и воду и пріобрѣтя опытность и умѣнье скрываться отъ полиціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, озлобленные за тѣ страданія, которыя они перенесли, эти лица, какъ намъ указали всѣ бывшіе политическіе процессы, явились самыми надежными исполнителями всѣхъ задуманныхъ преступленій. И такъ, административная ссылка составила для революціонеровъ превосходную школу для развитія фанатизма и образованія политическихъ убіицъ. Наконецъ, и самая смертная казнь, на которую Правительство возлагало наибо́льшія надежды, послужила скорѣе на пользу революціонеровъ. Не будь до 1го Марта около 30 повѣшенныхъ, не случилось бы, можетъ быть, и самое страшное изъ всѣхъ преступленій — убій-

ство лучшаго изъ Царей и честнѣйшаго изъ людей.

Историческій опытъ другихъ государствъ намъ ясно указалъ, что безконтрольная администрація способна только растравлять соціальныя раны государствъ, а не заживлять ихъ; наилучшимъ примѣромъ можетъ служить администрація Наполеона III, которая приготовила Франціи комуну. Явленіе это подтвердилось и у насъ. Наша администрація, при первыхъ революціонныхъ вспышкахъ, прибѣгла, для погашенія ихъ, къ репрессивнымъ мѣрамъ, не обративъ никакого вниманія на причины, вызвавшія эти вспышки. Если медикъ, леча какую либо болѣзнь, видитъ, что прописанное имъ лѣкарство не помогаетъ паціенту, то нѣтъ сомнѣнія, онъ старается найти другое, бо́лѣе дѣйствительное средство. Наша администрація не хотѣла, или не умѣла понять этого простаго правила. Видя, что принятая ею система лѣченія отъ соціальнаго зла, не только не уничтожила революціоннаго движенія, но напротивъ, увеличила его, она продолжала упорно держаться за свой способъ лѣченія, начавъ только усиливать дозы даваемаго ею лѣкарства; наконецъ, дошла до такой

дозы, которую усилить невозможно — до смертной казни. Конечно, усиленіе дозъ усилило и самую болѣзнь, которая, съ своей стороны, дошла до самаго страшнаго кризиса, до преступленія 1го Марта. Только въ настоящее время, послѣ 15ти лѣтняго лѣченія, разстроившаго весь государственный организмъ, администрація, какъ видно изъ циркуляровъ Министра Внутреннихъ дѣлъ и Министра Народнаго Просвѣщенія, сознало грустное положеніе Россіи и необходимость принятія другихъ мѣръ лѣченія. Но какія же должны быть эти мѣры и кому должно быть поручено лѣченіе? . . .

По кончинѣ Императора Александра II, вся Россія, сознавая высокія нравственныя качества настоящаго Императора, отнеслась къ нему съ глубокимъ сочувствіемъ и живѣйшей преданностью. Не было сколько нибудь развитаго русскаго, который бы не возлагалъ на него всѣхъ своихъ надеждъ и упованія, что онъ излѣчитъ раны, нанесенныя Россіи, въ послѣднее время, реакціонной политикой Правительства. Каждое слово, имъ сказанное, каждую мѣру, имъ намѣченную, всѣ встрѣчали

съ неподдѣльнымъ восторгомъ, думая видѣть въ нихъ начало новой, счастливой для Россіи, эры, но прошло три мѣсяца и въ настоящее время уяснилось, что абсолютизмъ, произволъ власти и недовѣріе къ общественнымъ силамъ Россіи останутся тѣми же факторами государственнаго управленія, какъ это было и прежде, что участіе общественныхъ дѣятелей въ рѣшеніи государственныхъ вопросовъ, если и будетъ допускаться, то только по усмотрѣнію администраціи, которая, какъ и прежде, останется безконтрольною. Все это выяснилось, какъ изъ манифеста 29 Апрѣля, такъ и изъ нѣкоторыхъ другихъ мѣръ, успѣвшихъ обрисовать въ яркихъ краскахъ недальновидность новыхъ администраторовъ, успѣвшихъ снискать довѣріе Императора Александра III.

Различіе между самодержавнымъ и конституціоннымъ образомъ правленія заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что самодержавный монархъ, хотя, по видимому, пользуется неограниченной властью, но, въ сущности, вполнѣ зависитъ отъ своихъ министровъ; конституціонный же Монархъ зависитъ отъ народа, въ лицѣ его представителей. Зависимость самодержавнаго монарха отъ его министровъ является въ слѣд-

ствіе невозможности контролировать ихъ дѣйствія и проникать въ тайну дѣлаемыхъ ими злоупотребленій. Самодержецъ можетъ знакомиться съ дѣятельностью министровъ только черезъ нихъ самихъ же, но убѣдиться въ томъ, что эта дѣятельность полезна или вредна для народа, онъ не имѣетъ никакихъ средствъ, такъ какъ тѣ, которые испытываютъ на себѣ послѣдствія этой дѣятельности, обречены министрами на молчаніе. Отсюда происходитъ, что министры имѣютъ полную возможность представлять свои доклады Государю въ томъ свѣтѣ, какъ они желаютъ и самодержавный монархъ, при своемъ довѣріи къ министрамъ, не можетъ не санкціонировать ихъ своею властью. Нѣтъ, по всей вѣроятности, ни одного человѣка въ Имперіи, который бы зналъ Россію и дѣйствительное ея положеніе менѣе, чѣмъ Самодержавный Монархъ; онъ смотритъ на нее черезъ министерскіе очки и потому самыя благія его намѣренія, проходя черезъ тѣ же очки, не только не достигаютъ цѣли, но оказываются иногда вредными интересамъ Государства. Прошлое царствованіе Величайшаго изъ Монарховъ и благонамѣреннѣйшаго изъ людей Императора Александра II. дало намъ обиль-

ный матеріалъ для подтвержденія сказаннаго. До возникновенія соціальной пропаганды, всѣ доклады Министровъ Государю сходились въ томъ, что Россія подъ Скипетромъ Его благоденствуетъ, что производительныя силы народа ростутъ, что всѣ подданные Его молятъ день и ночь Бога о Его благоденствіи; все же, что противорѣчило этимъ докладамъ, Министры приписывали кознямъ злонамѣренныхъ людей и кривотолкамъ печати, почему, во избѣжаніе волненія умовъ, заставляли ихъ молчать. Въ первыхъ вспышкахъ революціоннаго движенія, они видѣли, какъ бы, нарывъ на здоровомъ тѣлѣ, для котораго не могло быть другаго лѣченія, какъ хирургическаго; когда же дѣлаемыя операціи не принесли ожидаемой пользы, они увѣряли, что разрѣзы слѣдуетъ дѣлать глубже. Такимъ образомъ, протекло болѣе 14 лѣтъ, и нужно было тысячи сосланныхъ въ Сибирь и пять покушеній на дорогую жизнь покойнаго Императора, чтобы убѣдить его наконецъ, что революціонные нарывы явились въ слѣдствіе худосочія и разстройства всего организма, что для лѣченія ихъ необходимы внутреннія средства, а не операціи, которыя могутъ повести къ Антонову огню и что, на-

конецъ, Министры, если не обманывали Его, то сами обманывались въ состояніи здоровья цѣлаго организма. Тутъ только, покойный Государь рѣшился проститься съ однимъ изъ Министровъ, къ которому онъ имѣлъ наиболѣе довѣрія, но который, въ 14^ти лѣтнее управленіе Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, успѣлъ сдѣлать наибо́льшее число операцій. Для врачеванія былъ призванъ Графъ Лорисъ-Меликовъ, но какъ не полезна была его дѣятельность, какъ не честны были его намѣренія и какъ не велико было его самопожертвованіе на пользу Государя и Россіи, онъ не имѣлъ возможности, въ короткій періодъ времени, уничтожить зло, развивавшееся 15 лѣтъ; онъ успѣлъ только уяснить всѣ безобразія, дѣлаемыя администраціей и доказать, что даже геніальный администраторъ ничего не можетъ сдѣлать безъ содѣйствія общественныхъ силъ. Всѣ думали, что Императоръ Александръ III, по восшествіи на Престолъ, убѣжденный долголѣтнимъ опытомъ въ несостоятельной дѣятельности администраціи, обратится за совѣтомъ къ выборнымъ людямъ Россіи, которые, зная причины зла, нашли бы средство для исцѣленія отъ него; всѣ думали, что этимъ

людямъ будетъ порученъ контроль надъ дѣйствіями администраціи и что слову правды, хотя бы непріятному для административнаго уха, будетъ дана полная свобода. Такъ думали . . . но оказалось, что совѣтниками Государя остались тѣ же администраторы, хотя, можетъ быть, люди добросовѣстные, но гораздо менѣе способные, чѣмъ бывшіе при покойномъ Императорѣ. Не входя въ разсмотрѣніе дѣйствій всѣхъ администраторовъ, которые, большею частію очень мало сдѣлали, укажу только на нѣкоторыя мѣры, которыя были ими приняты и которыхъ несостоятельность не можетъ не бросаться въ глаза каждому здравомыслящему человѣку. При С.-Петербургскомъ градоначальникѣ былъ учрежденъ Совѣтъ изъ выборныхъ городскихъ обывателей, которому предоставлено было обсуживать всѣ предлагаемыя градоначальникомъ мѣры. Объявивъ объ этомъ Совѣту, въ день его избранія, градоначальникъ Барановъ заявилъ, что онъ уже испросилъ Высочайшее повелѣніе на двѣ мѣры, которыя должны быть приведены въ исполненіе безъ обсужденія ихъ въ Совѣтѣ. Мѣры эти, какъ всѣмъ извѣстно, заключались въ учрежденіи заставъ вокругъ

Петербурга, для ловли революціонеровъ, и въ обязательствѣ для пріѣзжающихъ по желѣзнымъ дорогамъ, нанимать извощиковъ при помощи полиціи. Спрашивается: почему обсужденіе этихъ мѣръ не было предоставлено Совѣту? Если, по мнѣнію Г. Баранова, онѣ были хороши, то, нѣтъ сомнѣнія, Совѣтъ ихъ принялъ бы; если же онѣ были дурны, то для чего было испрашивать на нихъ Высочайшее повелѣніе? Нелѣпость одной изъ этихъ мѣръ была очевидна, она просуществовала только нѣсколько дней и была отмѣнена, но представляется весьма страннымъ, что эта мѣра была отмѣнена не вовымъ Высочайшимъ повелѣніемъ, а властію Градоначальника. Не въ правѣ ли вся Россія заключить, что Градоначальнику дано право отмѣнять Высочайшія повелѣнія?

Другая, болѣе серьезная мѣра была принята въ послѣднее время по вопросу объ уменшеніи выкупныхъ платежей за крестьянскіе надѣлы. Вопросъ этотъ, въ принципѣ, уже рѣшеный въ Государственномъ Совѣтѣ, переданъ на разсмотрѣніе Коммиссіи изъ трехъ Министровъ, въ которую, по Высочайшему повелѣнію, приглашены эксперты отъ общественныхъ выборныхъ учрежденій. Коммиссіи

этой, какъ объявлено Министромъ внутреннихъ дѣлъ, поручено распредѣлить уменьшеніе выкупныхъ платежей въ 9 милліоновъ рублей между губерніями и уѣздами. Прежде всего, въ циркулярѣ Министра внутреннихъ дѣлъ, бросается въ глаза слово *экспертъ*. Экспертомъ называется спеціалистъ по какой либо отрасли знаній, получившій дипломъ отъ компетентныхъ лицъ. Какія же знанія долженъ имѣть экспертъ Коммиссіи и отъ кого онъ долженъ получить дипломъ? Если знанія его должны заключаться въ знакомствѣ съ мѣстностью, которой онъ служитъ представителемъ, то слѣдовало бы пригласить экспертовъ отъ всѣхъ мѣстностей Россіи, такъ какъ эксперты, приглашенные отъ Москвы или Петербурга, не могутъ имѣть никакихъ свѣденій о Калужской, Смоленской, Херсонской или Бесарабской губерніяхъ, въ которыхъ они не состоятъ землевладѣльцами. Дипломъ на право экспертизы, имъ предоставлено выдавать, какъ видно изъ распоряженія Министра внутреннихъ дѣлъ, администраціей, но чтобы судить о степени знанія какого либо лица, надобно самому имѣть эти знанія, слѣдовательно, если администрація полагаетъ, что она имѣетъ эти знанія, то не

для чего было приглашать экспертовъ. Вообще, во всемъ дѣлѣ, по образованію Коммиссіи съ экспертами, проглядываетъ, съ одной стороны, какъ бы желаніе угодить наиболѣе вліятельнымъ общественнымъ дѣятелямъ, чтобы привлечь ихъ на сторону Правительства, а съ другой, — стремленіе показать, что выборное начало не можетъ быть допущено въ совѣты Государевы иначе, какъ въ видѣ экспертизы. Дальнѣйшее развитіе такихъ пріемовъ можетъ повести къ самымъ грустнымъ послѣдствіямъ. Если эксперты будутъ поставлены въ подчиненныя отношенія къ администраціи и будутъ приглашаемы только ради формы, то всѣ люди чести и долга откажутся отъ такого унизительнаго положенія, экспертиза попадетъ въ руки угодниковъ администраціи, желающихъ пріобрѣсти какія либо личныя выгоды и деморализація общества пойдетъ быстрыми шагами.

Обращусь къ третьей принятой мѣрѣ, самой важной изъ всѣхъ, — манифесту 29 Апрѣля. Не входя въ подробное его разсмотрѣніе, предложу вопросъ, который былъ сдѣланъ многими развитыми и любящими свое отечество людьми: для чего и съ какой цѣлью онъ былъ изданъ? На интеллигентныхъ рус-

скихъ людей онъ не могъ не произвести какъ самое тяжелое и удручающее впечатлѣніе, указавъ ясно, что роль администраціи останется тою же, какъ была и прежде. Необразованныя же массы его не поняли. Ожидая милостиваго манифеста, многіе изъ крестьянъ, выходя изъ церкви, гдѣ былъ читанъ манифестъ, спрашивали: какія милости въ немъ объявлены и какія недоимки имъ прощены? Узнавъ, что прочитанный манифестъ никакихъ милостей не объявилъ, они остались имъ недовольны также, какъ и интеллигентные члены общества. Манифестъ объявляетъ о самодержавіи и обѣщаетъ охранять его отъ всякихъ покушеній, но сила, сознавая себя силой, не станетъ напоминать о себѣ и грозить; напоминаніе есть признакъ неувѣренности, слабости; сознаніе же слабости недостойно великаго русскаго Монарха. Многіе думаютъ, что манифестъ былъ написанъ въ отвѣтъ подпольнымъ прокламаціямъ, требовавшимъ конституціонныхъ правъ народу, но предположеніе это невѣроятно. Ни одно даже частное лицо, сознающее свое собственное достоинство, не вступитъ въ полемику съ анонимными преступниками, а тѣмъ болѣе русскій Царь не можетъ унизиться до отвѣта

соучастникамъ въ убійствѣ его отца. Остается одно предположеніе, что манифестъ написанъ былъ съ цѣлью порадовать администрацію, которая, по воцареніи настоящаго Императора, очень боялась утратить свое преобладающее значеніе. Этой цѣли онъ вполнѣ достигъ. Губернаторы подняли голову и мнѣ извѣстно, что одинъ изъ нихъ началъ уже составлять списокъ неблагонадежныхъ земцовъ, желая, вѣроятно, представить его Начальству, а другой Губернаторъ далъ мѣсто исправника лицу, которое было уволено отъ должности за ложные доносы, при министерствѣ Графа Лорисъ-Меликова. Какъ говорятъ, манифестъ былъ написанъ администраторомъ, который обладаетъ и умомъ, и образованіемъ, и прекрасными нравственными качествами, но который, заботясь исключительно о спасеніи своей души, не имѣетъ никакого понятія о житейскихъ дѣлахъ. Зная людей только изъ своихъ кабинетныхъ занятій, онъ чуждъ пониманія ихъ дѣйствительныхъ потребностей; практическая сторона жизни представляетъ для него совершенную *terra incognita.*

Кромѣ указанныхъ мѣръ, есть много другихъ признаковъ, по которымъ можно думать,

что общественныя силы Россіи останутся въ томъ же подчиненномъ положеніи къ администраціи, какъ это было до сихъ поръ и что администраціи будетъ поручено дѣлать новые опыты для уничтоженія крамолы. Что новые опыты будутъ также неудачны, какъ прежніе и что они могутъ повести къ кровавой развязкѣ, въ этомъ насъ убѣждаетъ исторія всѣхъ государствъ Европы. Не только пылкіе темпераментомъ Французы, Италіанцы и Испанцы, но и хладнокровные Нѣмцы, расчетливые Австрійцы и терпѣливые Славяне не могли выносить административнаго ига и прибѣгли къ возстаніямъ, чтобы завоевать себѣ свободныя политическія учрежденія, которыя, если составляютъ *pia desideria* всѣхъ народовъ, то потому, что при нихъ только возможно развитіе всѣхъ нравственныхъ и матеріальныхъ силъ государствъ. Примѣры Америки и Франціи служатъ наилучшимъ доказательствомъ, какъ быстро можетъ быть возстановлено, въ свободныхъ странахъ, благосостояніе народа, утраченное какимъ либо бѣдствіемъ. Какъ не разорительны были войны, вынесенныя этими государствами, но достаточно было 10^ти лѣтняго періода времени, чтобы разлить снова

довольство во всѣхъ слояхъ общества и сдѣлать эти страны богаче еще, чѣмъ онѣ были прежде. Единственная причина такого явленія заключается въ политической свободѣ, которой онѣ пользуются и которая дозволяетъ самому народу искать средствъ для излеченія себя отъ постигшихъ его бѣдствій. Какъ бы не были добросовѣстны административные опекуны, они не могутъ желать болѣе добра опекаемымъ ими, чѣмъ самимъ себѣ; они не могутъ знать требованія и интересы народовъ, какъ знаютъ ихъ сами народы. Административная опека, наложенная на Россію, ясно указала до какихъ страшныхъ бѣдствій, до какого крайняго разоренія можетъ быть доведенъ народъ умный, богатый по дарамъ природы, но вынужденный или молчать, или говорить только хвалу своимъ опекунамъ. Въ то самое время какъ Франція, въ которой зародилось соціальное ученіе и которой стоило не мало труда и крови, чтобы побороть комуну, находится, въ настоящее время, въ совершенной безопасности отъ революціонныхъ движеній и нашла даже возможнымъ дать полную амнистію всѣмъ комунарамъ, въ Россіи, гдѣ нѣтъ никакихъ причинъ, вызывающихъ

соціалистическую агитацію, гдѣ нѣтъ ни рабочаго вопроса, ни пролетаріата, — въ Россіи совершается рядъ политическихъ преступленій и оканчивается убійствомъ лучшаго изъ Царей въ его собственной столицѣ!... Законъ природы говоритъ, что нѣтъ явленій безъ причины. Какія же причины довели Россію до настоящаго положенія, если не тѣ, которыя мной указаны? Наши охранители, программу которыхъ, какъ кажется, намѣрено принять Правительство, находятъ двѣ главныя причины: одна — упадокъ нравственности и религіи, а другая — слабость власти. Но нѣтъ государства въ мірѣ, въ которомъ надзоръ за нравственностью не только малолѣтокъ, но и взрослыхъ людей, былъ бы такъ бдителенъ, какъ въ Россіи; цѣлому сонму чиновниковъ, отъ становыхъ приставовъ до министровъ, поручено оберегать русскихъ гражданъ отъ дурнаго вліянія злыхъ людей и злонамѣренной печати. Церкви дано также безконтрольное право поддерживать религію, прибѣгая, въ случаѣ надобности, къ помощи полиціи. Идти далѣе по этому пути, съ точки зрѣнія консерваторовъ, невозможно; остается только испытать проповѣдь и молитву, къ которой обык-

новенно прибѣгаютъ всѣ больные, отъ которыхъ отказалась медицина. Другая причина — слабость власти представляется также весьма странной. Если власть имѣетъ право жизни и смерти надъ каждымъ русскимъ подданнымъ и если она въ полной мѣрѣ пользуется этимъ правомъ, то сдѣлать ее сильнѣе не представляется никакой возможности. Основываясь на этихъ соображеніяхъ, съ той же консервативной точки зрѣнія, сдѣлано, кажется, всё, чтобы уничтожить революціонное движеніе, а между тѣмъ, оно продолжаетъ существовать, мѣняя только формы своего проявленія. Такъ, не успѣло еще остыть жгучее впечатлѣніе отъ совершеннаго Цареубійства, какъ революціонеры начали возбуждать простой народъ противъ евреевъ и въ прокламаціяхъ своихъ, разбросанныхъ почти вездѣ, обѣщаютъ продолжать свою преступную дѣятельность; наконецъ, ими подготовляется, судя по нѣкоторымъ признакамъ, избіеніе помѣщиковъ крестьянами, подобно тому, какъ это было въ Галиціи. До чего же, наконецъ, можетъ быть доведена Россія, если Правительство твердо рѣшилось принять программу консерваторовъ?... До потоковъ крови, отвѣтитъ каждый разсуж-

дающій человѣкъ и, по чувству самосохраненія, начнетъ укладывать свои чемоданы, чтобы уѣхать за границу... Но не въ томъ свѣтѣ представится настоящее, по видимому, безвыходное положеніе Россіи, если Правительство обратится къ либеральной программѣ дѣйствій и убѣдится, что какъ освобожденіе крестьянъ, по достославнымъ словамъ покойнаго Государя, должно было начаться сверху, чтобы оно не началось снизу, такъ и освобожденіе Государства отъ административнаго произвола должно быть сдѣлано Верховной властью, чтобы оно не сдѣлалось безъ нея и вопреки ея. Покойный Государь не бралъ въ расчетъ преданности къ нему русскаго народа, когда предполагалъ возможность насильственнаго освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости; не долженъ расчитывать на нее и настоящій Императоръ, если желаетъ прекратить революціонное движеніе и всѣ гибельныя отъ него послѣдствія.

Въ настоящее время въ Россіи нѣтъ ни одного, сколько нибудь мыслящаго человѣка, который бы не желалъ прекращенія существующаго порядка вещей. Правительство понимаетъ это и стремится къ реформамъ, но

оно должно, при этомъ, выбрать одинъ изъ двухъ путей: или идти назадъ, предоставивъ дѣло спасенія Россіи администраціи, или идти впередъ, прибѣгнувъ къ полному содѣйствію общественныхъ силъ Россіи. Средняго пути быть не можетъ. Но, чтобы идти по первому пути, необходимо уничтожить и гласный судъ, такъ какъ администрація не можетъ съ нимъ ужиться и по этому поводу изобрѣла административныя кары; нужно уничтожить и выборныя общественныя учрежденія, такъ какъ въ существованіи ихъ и въ ихъ оппозиціонныхъ стремленіяхъ къ обнаруженію вреда, приносимаго администраціей, она видитъ вопросъ самолюбія и неправильно понимаемой части; нужно, наконецъ, уничтожить и свободную печать, такъ какъ всякая критика дѣйствій правительственныхъ учрежденій, обнаруживая, передъ верховнымъ вождемъ Россіи, несостоятельность и недальновидность администраціи, не можетъ быть ею терпима. Но найдется ли хоть одинъ здравомыслящій человѣкъ въ Россіи, который бы рѣшился сказать, что отмѣна всѣхъ лучшихъ реформъ прошлаго царствованія, возможна въ настоящее время? который бы рѣшился утверждать, что

люди, неживущіе одной жизнію съ народомъ, а потому незнающіе Россіи, могутъ управлять ею съ бо́льшею пользой, чѣмъ учрежденія, вышедшія изъ самого народа? При административномъ управленіи, всѣ серьозныя государственныя реформы, требующія короткаго знакомства съ народнымъ характеромъ и съ экономическимъ положеніемъ страны, будутъ всегда встрѣчать въ администраціи тормазъ, какъ по неувѣренности ея въ ихъ полезныхъ или вредныхъ послѣдствіяхъ, такъ и по боязни, въ случаѣ неудачи, неугодить Самодержавному Царю. Мы ясно видѣли и видимъ этотъ административный тормазъ въ тѣхъ безчисленныхъ коммиссіяхъ, которыя учреждаются у насъ по всевозможнымъ вопросамъ и существованіе которыхъ считается десятками лѣтъ. Такъ, болѣе 16 лѣтъ назадъ, была образована, по Высочайшему повелѣнію, коммиссія для изслѣдованія земледѣлія и сельскихъ промысловъ. Объѣхавъ всю Россію, она представила докладъ, въ которомъ указала, что земледѣліе падаетъ, скотоводство уменьшается, земля изнуряется, крестьяне бѣднѣютъ, какъ отъ тяжестй налоговъ, ими платимыхъ, такъ и въ слѣдствіе круговой поруки и тѣсно съ ней

связанной паспортной системы, что крестьянская мѣстная промышленность даетъ крестьянамъ самые ничтожные заработки и что такое грустное экономическое положеніе Россіи, ухудшаясь годъ отъ году, требуетъ для улучшенія его, принятія самыхъ неотложныхъ и энергическихъ мѣръ. Не смотря на всю важность этого доклада, не смотря на то, что отъ разрѣшенія вопросовъ, имъ затронутыхъ, зависитъ благосостояніе десятковъ милліоновъ людей, онъ и до сихъ поръ лежитъ безъ всякаго движенія, послѣдствіемъ чего является голодъ, который, въ богатой, по дарамъ природы, Россіи, составляетъ обыденное явленіе въ разныхъ мѣстностяхъ; для избавленія же отъ него, мы вынуждены возлагать надежды не на какія либо предупредительныя распоряженія Правительства, а исключительно на случайныя метеорологическія явленія. Другая Коммиссія была учреждена покойнымъ Государемъ для изисканія средствъ къ уменьшенію государственныхъ расходовъ, но прошло болѣе 4[хъ] лѣтъ и коммиссія эта нашла возможнымъ уменьшить только денежныя выдачи къ праздникамъ самымъ мелкимъ чиновникамъ. Оклады же содержанія, денежныя награды,

аренды, пожалованіе землями высшихъ административныхъ лицъ, не только ею не уменшены, но напротивъ, государственный расходъ на нихъ значительно увеличился. Подобныя дѣйствія коммиссіи весьма понятны. Требовать отъ членовъ ея, чтобы они сократили или урегулировали закономъ денежныя выдачи разнымъ сановникамъ, къ числу которыхъ они сами принадлежатъ, это значило бы требовать отъ нихъ самопожертвованія, на которое могутъ быть способны только исключительныя личности, но не высоко стоящіе администраторы. Кромѣ этихъ двухъ коммиссій, существуетъ много другихъ, какъ напр. паспортная, податная, тюремная, желѣзнодорожная и другія, о трудахъ которыхъ никто ничего не знаетъ, а между тѣмъ многіе члены этихъ коммиссій получаютъ не малые оклады содержанія. Изъ всего сказаннаго ясно видно, что для блага государства, правительство должно отказаться отъ административнаго управленія страной и что одинъ лишь путь либеральныхъ реформъ можетъ вывести Россію изъ того грустнаго положенія, въ которомъ она находится въ настоящее время.

Самодержавная власть, говоря вообще, имѣ-

етъ главнымъ своимъ атрибутомъ — произволъ. Произволъ Верховнаго вождя не можетъ не питать произвола министровъ и всѣхъ чиновъ администраціи. При самодержавіи, контроль надъ дѣйствіями министровъ и самый ихъ выборъ весьма затруднительны. Прошлое царствованіе намъ указало, что нужно было болѣе 15 лѣтъ времени, чтобы убѣдить наконецъ покойнаго Государя, что дѣятельность нѣкоторыхъ его министровъ была вредна для Россіи, а между тѣмъ, сдѣланный ими вредъ былъ непоправимъ. Наконецъ, при самодержавіи либеральныя реформы почти невозможны, такъ какъ нельзя ожидать, чтобы окружающіе Царя администраторы рѣшились наложить на себя руки, выказавъ одобреніе мѣрамъ, ведущимъ къ умаленію ихъ власти и значенія. Но не смотря на всѣ эти недостатки самодержавнаго образа правленія, не смотря на то, что лучшей охраной отъ всякихъ покушеній на жизнь Царя было бы добровольное имъ сложеніе съ себя отвѣтственности за мѣры, которыя русскій народъ, по собственной иниціативѣ, пожелалъ бы принять для уничтоженія зла, я считаю, что воля Государя должна быть священа для каждаго русскаго подданнаго и убѣж-

денъ, что при высокихъ нравственныхъ качествахъ настоящаго Императора, не трудно согласить его желаніе сохранить самодержавную власть съ требованіями либеральной программы. Но прежде всего надобно твердо убѣдиться, что администрація безсильна вывести Россію изъ того грустнаго положенія, въ которомъ она находится, что только представители русскаго народа могутъ составить программу реформъ, необходимыхъ для спасенія Государства отъ революціоннаго зла. Убѣдиться въ этомъ не трудно, какъ изъ всего мной сказаннаго, такъ и изъ слѣдующаго простаго разсужденія. Государь можетъ дѣлать выборъ своихъ совѣтниковъ изъ весьма ограниченнаго кружка лицъ, въ который попадаютъ не одни даровитые люди, но и люди, терпѣливо вынесшіе нѣсколько десятковъ лѣтъ государственной жизни. Не живя съ этими людьми одной жизнію, Государь можетъ знать ихъ только по ихъ внѣшнимъ показнымъ сторонамъ, которыя зависятъ болѣе отъ ихъ умѣнья угодить Царю, чѣмъ отъ ихъ внутреннихъ достоинствъ, слѣдовательно ошибка въ выборѣ этихъ людей болѣе чѣмъ возможна, а уясненіе этой ошибки можетъ явиться уже тогда, когда

зло, ими сдѣланное, непоправимо. Если же русскому народу будетъ дано право указать, изъ среды своей, людей дѣльныхъ, талантливыхъ, честныхъ и знающихъ Россію, а такихъ людей въ Россіи не мало, то нѣтъ сомнѣнія, что такой выборъ не будетъ ошибоченъ, такъ какъ русское общество вполнѣ сознаетъ опасность, которая грозитъ ему отъ революціонеровъ, и по чувству самосохраненія, не изберетъ своими представителями людей неспособныхъ или недобросовѣстныхъ. Какъ бы не были велики интриги партій при выборахъ, онѣ не представятъ и доли той опасности, которою сопровождаются обыкновенно дворцовыя интриги, при самодержавномъ образѣ правленія. И такъ, либеральная программа заключается въ томъ, чтобы созвать представителей всей Россіи, и

1) Поручить имъ начертать общую систему управленія Государствомъ, которой у насъ нѣтъ, а есть нѣсколько Государствъ въ одномъ Государствѣ.

2) Разсмотрѣть финансовое положеніе Россіи и привести въ порядокъ государственное хозяйство, соображаясь съ средствами и платежными силами народа.

3) Указать мѣры, которыя должны служить къ контролированію дѣйствій администраціи и точно опредѣлить кругъ ея дѣятельности.

4) Разсмотрѣть государственный бюджетъ и бюджеты всѣхъ министерствъ, согласивъ ихъ съ потребностями народа.

5) Опредѣлить постепенность реформъ, которыя должны быть сдѣланы во всемъ государственномъ строѣ.

6) Разъяснить причины революціоннаго движенія и указать мѣры, которыя должны быть приняты для противодѣйствія ему.

Для разработки означенныхъ вопросовъ, министры должны доставить въ собраніе народныхъ представителей, которое можетъ быть названо земскимъ соборомъ, всѣ нужныя свѣдѣнія. Состоявшіяся же въ Соборѣ постановленія должны быть представлены Государю Императору, отъ Самодержавной воли котораго будетъ зависѣть утвердить ихъ, или нѣтъ. Утвержденныя Высочайшей властью постановленія должны быть приведены въ исполненіе администраціей подъ контролемъ особой постоянной коммиссіи, или Совѣта, избраннаго изъ среды земскаго Собора, въ числѣ 20 или

30 членовъ. Совѣтъ, чрезъ предсѣдателя своего, долженъ имѣть право докладывать Государю о всѣхъ препятствіяхъ, которыя принятыя Соборомъ мѣры будутъ встрѣчать при приведеніи ихъ въ исполненіе; черезъ тотъ же Совѣтъ должны представляться Государю всѣ доклады Министровъ, съ мнѣніемъ о нихъ Совѣта. Такимъ образомъ, Совѣтъ будетъ служить звѣномъ, соединяющимъ русскій народъ съ своимъ Царемъ; черезъ Совѣтъ будутъ извѣстны Государю всѣ желанія народа, и потому онъ будетъ знать дѣйствительное положеніе Россіи, а не то, которое рисуется въ министерскихъ докладахъ. Зная же Россію и искренне желая блага своимъ подданнымъ, Государю не трудно будетъ отличить дурныя мѣры отъ хорошихъ и санкціонировать своею властію тѣ изъ нихъ, которыя ему укажутъ его сердце и его умъ. Совѣтъ, при этомъ, будетъ служить Государю какъ бы солнцемъ, освѣщающимъ всѣ темныя стороны Россіи и опилкомъ, на которомъ могутъ быть испытаны способность и добросовѣстность лицъ, которыхъ Государь изберетъ своими совѣтниками.

Что только путемъ либеральныхъ реформъ

можно достигнуть умиротворенія Россіи и успокоить возбужденіе революціонныхъ страстей, въ этомъ намъ можетъ служить указаніемъ не только опытъ другихъ государствъ, но и отчасти нашъ собственный. Во всѣхъ бывшихъ политическихъ процессахъ мы видѣли, на скамьѣ подсудимыхъ, лицъ всѣхъ почти національностей, живущихъ въ Россіи и уроженцевъ различныхъ мѣстностей, но не видѣли ни одного Финляндца. Причину такого явленія нельзя приписать случайности; она кроется въ свободныхъ учрежденіяхъ этой провинціи и вытекающемъ изъ нихъ довольствіи населенія. При этомъ нельзя не замѣтить, что если Финляндія, страна, бѣдно одаренная природой и населенная народомъ, извѣстнымъ намъ подъ названіемъ Чухонцевъ, которые, по своему умственному развитію, стоятъ не выше русскаго народа, — если Финляндія имѣетъ свое представительное собраніе, то какія же могутъ быть причины, лишающія Россію права на такое же политическое устройство? Неужели русское дворянство менѣе предано своему Царю, чѣмъ финляндскіе бароны и неужели русскій народъ не такъ любитъ своего Царя, какъ бывшіе шведскіе

подданные Финны и Чухны? Грустно для каждаго Русскаго видѣть, что завоеванная русской кровью провинція пользуется такими правами и преимуществами, которыхъ не имѣетъ Россія и которыя дали этой провинціи возможность развить свое финансовое положеніе далеко лучше господствующаго племени! Горько для сердца русскаго гражданина, горячо любящаго свое отечество, чувствовать, что въ то время, когда въ Финляндіи разширяютъ конституціонныя права Сейма, въ Россіи объявляютъ абсолютизмъ! . . .

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)